

и открыли многочисленные украинские школы всех уровней, но при этом, по воспоминаниям В. Мудрого, «все украинские образовательные учреждения Восточной Галиции были в 1939 г. русифицированы, польские — украинизированы, в том числе Львовский университет...»¹¹¹ Такое положение дел на западе Украины сохранялось до 22 июня 1941 г.

Польский вопрос в сентябре 1939 г. в зеркале западноевропейской и югославской прессы

Антон Решетов

Антон Решетов родился в Ленинграде. Выпускник исторического факультета (кафедра истории славянских и балканских стран) Санкт-Петербургского государственного университета (2012 г.). Сотрудник отдела газет Российской национальной библиотеки (СПб.). В настоящее время соискатель на том же факультете (тема диссертации — «Польский вопрос 1939 года в политической пропаганде»); научный руководитель — д. и. н., проф. В. А. Якубский. Эл. адрес: reszetow@gmail.com.

Введение

Отношения между Россией и Польшей всегда были сложными — десятки военных конфликтов, постоянные территориальные и религиозные споры, а в конце XVIII столетия включение значительной части польских земель в состав Российской империи. В ходе Первой мировой войны большая часть Царства Польского была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками. В конце 1918 г. международная ситуация кардинальным образом изменилась, и 11 ноября того же года была образована Вторая Речь Посполитая: в этот день польские отряды разоружили в Варшаве германский гарнизон. В ходе кровопролитной советско-польской войны 1919–1921 гг. молодому Польскому государству удалось отстоять свою независимость. По Рижскому мирному договору 1921 г. к Польше отошли территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Советско-польские отношения в 1920-е гг. оставались крайне напряженными. На территории Польской республики оказались многие противники большевистского режима, и некоторые из них, например Б. В. Савинков, продолжали борьбу с Советами. Однако шло время, ожидания скорого падения советской власти не оправдались, и в ноябре 1924 г. Москва предложила Варшаве заключить договор о ненападении. Переговоры шли достаточно тяжело: польская сторона добивалась параллельного заключения таких же договоров с другими западными соседями молодого Советского государства — с Латвией, Эстонией, Финляндией и Румынией¹.

¹¹¹ *Мудрый В.* Змагання за Українські університети в Галичині. Львів; Н.-Й., 1999. С. 181.

¹ *Волос М.* В поисках союзников и мирных условий в Европе: Внешняя политика Польши в 1921–1932 гг. // Треугольник Москва–Варшава–Берлин: Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. СПб., 2011. С. 126.

В итоге обе стороны зашли в тупик. К идее заключения договора о ненападении они вернулись лишь в августе 1931 г. 25 июля 1932 г. соглашение было подписано, и состоялось это событие в Москве. Советский Союз и Польша обязались воздерживаться от войны как политического орудия урегулирования своих потенциальных конфликтов, а также «не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта»². Данный акт до некоторой степени нормализовал отношения между Москвой и Варшавой, однако стороны продолжали относиться друг к другу с большим недоверием.

Военные действия в Польской республике начались 1 сентября 1939 г. с вторжения на ее территорию нацистской Германии³. В этот день была открыта одна из самых трагических страниц в мировой истории — началась Вторая мировая война. Благодаря превосходству в технике, прежде всего танках и авиации, а также применению авиацией новой стратегии взаимодействия с моторизованными и танковыми соединениями, немецким войскам уже в первую неделю боев удалось прорвать польскую оборону и нанести ряд сокрушительных поражений польским частям⁴. 28 сентября части Вермахта вошли в Варшаву. 6 октября капитулировали последние соединения польской армии⁵.

Свою роль в столь быстром падении Польши сыграли и события на востоке страны: 17 сентября 1939 г. советско-польскую границу перешли части РККА. Перед Красной армией была поставлена задача взять под контроль Западную Украину и Западную Белоруссию, что и было ею осуществлено⁶. В историографии совместные действия нацистской Германии и СССР часто называют Четвертым разделом Польши⁷, но если немецкая кампания 1939 г. в большинстве работ в один голос освещается с позиции «Германия — агрессор, Польша — жертва», то ввод на Западную Украину и в Западную Белоруссию частей РККА и отторжение от Польши части земель, в том числе в пользу Литвы, классифицируется по-разному. На страницах советских периодических изданий действия советского правительства получили название «Освободительный поход» (например, «Правда» от 30 сентября 1939 г.) или «Польский поход РККА».

² Кен О. Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003. С. 85.

³ Проэктор Д. М. Война в Европе, 1939–1941 гг. М., 1963. С. 54.

⁴ Там же. С. 79, 122.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Мельтюхов М. 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты, 1918–1939. М., 2009. С. 208, 210.

⁷ Лебедева Н. С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война, 1939–1945. М., 1996.

В данной работе на материале ряда западноевропейских и югославских периодических изданий мы попытаемся проследить динамику формирования общественного мнения Великобритании, Франции и Югославии в связи с пактом Молотова–Риббентропа, а также сравнительной оценки военных действий между нацистской Германией и Второй Речью Посполитой и роли в них «Освободительного похода» («Польского похода РККА»), увиденных глазами современников.

Оценка пакта Молотова–Риббентропа британской, французской и югославской прессой

Детальное рассмотрение ежедневной европейской печати в период с 24 августа 1939 г. (первое сообщение о заключении советско-германского пакта) по 1 сентября 1939 г. (нападение нацистской Германии на Польшу) представляет большой интерес. На страницах западных изданий находили отражение различные оценки соглашения и очень любопытные версии причин, заставивших стороны пойти на переговоры. Рассматривая сегодня пакт Молотова–Риббентропа, мы неизбежно учитываем события, которые произошли после 1 сентября. Европейская периодика последней предвоенной недели позволяет нам отвлеченно посмотреть на ту судьбоносную эпоху, сделать «слепок исторического момента».

Отражение событий августа–сентября 1939 г. на страницах французских периодических изданий мы рассмотрим на примере трех крупнейших газет Третьей республики — левой «L'Humanité», центристской «Le Figaro» и правой «Journal des Débats Politiques et Littéraires».

Газета «L'Humanité», орган французской коммунистической партии, представляет в данном случае особый интерес. Основанная Жаном Жоресом еще в 1904 г., накануне Второй мировой войны она входила в пятерку крупнейших периодических изданий Франции⁸. В марте 1939 г. тираж газеты составлял 349 587 экземпляров при суммарном тираже всех ежедневных французских газет 5 500 000⁹. 27 августа 1939 г. все коммунистические газеты страны, в том числе и «L'Humanité», в соответствии с декретом от 26 августа, предусматривающим закрытие наносящих ущерб национальной обороне изданий, были запрещены правительством Делады¹⁰.

⁸ Зарубежная печать: Краткий справочник: Газеты. Журналы. Информационные агентства / Редкол.: С. А. Лосев и др. М., 1986. С. 133.

⁹ Histoire générale de la presse française: T. 3, de 1871 à 1940 / Publiée sous la direction de Claude Bellanger, Jacques Godechot, Pierre Guiral et al. P., 1972. P. 511.

¹⁰ Ibid. P. 583.

«Le Figaro» — также одна из крупнейших французских газет того времени¹¹. Основанная в 1826 г., в конце 1930-х гг. она относилась к «прессе центра»¹². Тираж издания в марте 1939 г. составлял 80 604 экземпляра¹³.

Из консервативных газет существенным влиянием пользовался основанный в 1789 г. «Journal des Débats Politiques et Littéraires». Стоит отметить, что «L'Humanité», как мы указали выше, была закрыта в августе 1939 г., «Le Figaro» после капитуляции Франции издавалась в Лионе до ноября 1942 г., но после оккупации всей территории страны прекратила свое существование, а «Journal des Débats Politiques et Littéraires», активно сотрудничавший с нацистами, издавался в Париже до его освобождения в августе 1944 г.

24 августа 1939 г. тема заключенного в Москве пакта стала для французских газет центральной. На первой полосе «Le Figaro» было опубликовано краткое сообщение о его заключении, однако для нас больший интерес представляет помещенный на той же полосе весьма обширный аналитический материал, автором которого был Борис Суварин. Фигура Суварина весьма любопытна. Он родился в Киеве в 1895 г., через пять лет вместе с родителями переехал в Париж и впоследствии получил французское гражданство. Со временем Суварин стал одним из создателей коммунистической партии Франции, активно работал в аппарате Коминтерна и в начале 1920-х гг. почти постоянно жил в Москве. В 1924 г. он поддержал Троцкого в противостоянии Сталину, за что был снят со всех постов в Коминтерне. После возвращения во Францию в 1935 г. Суварин написал одну из лучших на тот момент биографий Сталина — «Сталин. Очерк истории большевизма» («Staline, aperiçu historique du bolchévisme»)¹⁴.

В статье в «Le Figaro» Борис Суварин говорил, что из-за страха Сталина в случае войны потерять власть Москва вынуждена пойти на заключение соглашения с Берлином. По мнению автора, позиции Сталина в Советском Союзе не очень прочны и он опасается, что если СССР окажется втянутым в европейский конфликт, то неизбежно повторение революции 1917 г. В случае войны между Польшей и Германией руководство Советского Союза предпочтет снабжение противников ресурсами, но непосредственное участие Москвы в каком-либо конфликте возможно только при условии, что оно не потребует

серьезного напряжения экономических и военных сил. Впрочем, Суварин не исключал возможности подписания англо-франко-советского соглашения, потому что «Сталин готов подписать договор с кем угодно, лишь бы сохранить власть».

Несколько иной взгляд тогда же, 24 августа, предлагал своим читателям «Journal des Débats Politiques et Littéraires». Обращая их внимание на то, что заключение советско-германского пакта — событие мирового масштаба, издание рассматривало произошедшее как успешный маневр скорее нацистов, нежели советской стороны. Что касается мотивов, которые заставили до того откровенно враждующие стороны сесть за стол переговоров, то у Берлина они обуславливались желанием не только обеспечить в случае войны безопасность восточных границ Рейха, но и деморализовать Лондон, Париж и Варшаву, которые подобного соглашения не ожидали. Москва же стремилась укрепить свое влияние на международной арене и продемонстрировать готовность к участию в «большой европейской игре».

Подводя итог краткой оценке первой реакции «Le Figaro» и «Journal des Débats Politiques et Littéraires» на заключение пакта, стоит отметить, помимо удивления, их вызванный этим событием известный страх, а также критику ими действий и Москвы, и Берлина: оба издания сошлись на том, что пакт скорее приблизил войну, чем ее отдалил.

Диаметрально противоположная позиция по этому вопросу нашла отражение на страницах одного из крупнейших изданий Третьей республики — газеты «L'Humanité». 24 августа главная коммунистическая газета страны разместила на своих полосах ряд материалов под общим весьма красноречивым заголовком «Советский Союз во главе борьбы за мир». Так, в ней было опубликовано более десятка статей и заметок, раскрывающих роль советско-германского пакта в предотвращении войны и расколе «фашистского блока». Также отметим, что в издании были детально освещены события на польско-немецкой границе и в Данциге, а действия нацистов подвергнуты достаточно жесткой критике.

Любопытно, что к концу августа польская тематика находит все более широкое отражение на страницах французских газет. Это были не только новостные и аналитические материалы о польско-немецких и советско-польских отношениях, но и оценка состояния Войска Польского, и справки исторического характера. Изученные нами издания, прежде всего «Le Figaro», останавливались в первую очередь на переломных моментах польской истории — противостоянии Польского государства и Немецкого ордена, разделах Польши, ее роли в наполеоновской Европе. Тема польской истории и до рассматриваемого периода не сходила со страниц французских газет, однако

¹¹ Зарубежная печать: Краткий справочник. С. 131.

¹² Аникиев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999. С. 54.

¹³ Histoire générale de la presse française. P. 511.

¹⁴ Kleinschmidt S., Langkau-Alex U. Boris Souvarine (1895–1984) // Bewahren – Verbreiten – Aufklären: Archivare, Bibliothekare und Sammler der Quellen der deutschsprachigen Arbeiterbewegung / G. Benser (Hrsg.) u. a. Bonn; Bad Godesberg, 2009. S. 309–310.

именно в последнюю неделю августа, когда многими ощущалось приближение войны, статьи о ней публиковались почти в каждом номере. Все они подчеркивали стремление польского народа к свободе и независимости, тесные связи, особенно на рубеже XVIII–XIX столетий, поляков и французов, контакты Варшавы со Святым престолом, обоснованность польских претензий на Данциг. Характерными заголовками этих публикаций были «Наполеон не представлял себе Польшу без Данцига», «Папство и Польша» (оба в номере от 25 августа) и др. Причиной появления подобных публикаций, безусловно, служил рост интереса ко Второй Речи Посполитой, роль которой в европейском политическом оркестре в те дни день ото дня росла. Более чем вероятно, что сказался еще один фактор: французских читателей начали готовить к возможному вступлению Третьей республики в войну против Германии на стороне Польши.

Начиная с 24 августа «L'Humanité» настаивала на том, что одной из причин, по которой Москва пошла на заключение договора, было желание «разрушить» антикоминтерновский пакт. Отчасти, особенно если учесть первую реакцию Японии на заключение советско-германского договора, это верно. Кроме того, в номере газеты от 25 августа указывалось, что этот договор должен стать первым шагом к сохранению мира в Европе, в дальнейшем же следует заключить еще один договор — англо-франко-советский, призванный окончательно «успокоить поджигателей войны». К последним, по мнению французских коммунистов, относились не только нацисты, но и все участники «мюнхенского предательства». Любопытно, что, на взгляд «L'Humanité», после 23 августа шансы на подписание договора между Лондоном, Парижем и Москвой не уменьшились, а, наоборот, возросли. Связано это было с тем, что, подписав договор с Германией, Советский Союз резко усилил свое влияние в мире и продемонстрировал стремление предотвратить войну.

Если обратиться к советским газетам последней мирной недели, то в них можно встретить десятки сообщений о митингах, участники которых всецело одобряли пакт. По данным «L'Humanité», подобные митинги проводились и во Франции. Отметим, что лозунги их были схожи: «Да здравствует мир во всем мире!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует наш великий друг Сталин!» (номер от 26 августа). Несмотря на явную переключку с советскими газетами, «L'Humanité» по-прежнему весьма жестко критиковала нацистов. В целом можно отметить, что французская коммунистическая периодика следовала в русле быстро меняющейся линии Москвы, при этом она весьма доходчиво объясняла читателям мотивы неоднократной смены Советским Союзом своего курса. Как уже отмечалось, 26 августа 1939 г. вышел по-

следний номер «L'Humanité» — 27 августа декретом французского правительства газета была закрыта.

Если коммунистические издания рисовали ситуацию явно с позиций Москвы, то центристские и правые газеты старались представить своим читателям более объективную картину, правда, на страницах «Le Figaro» и «Journal des Débats Politiques et Littéraires» широкое отражение находила скорее позиция Парижа, Лондона и Варшавы, нежели Москвы и Берлина. В то же время «Le Figaro» регулярно публиковала обзоры нацистской печати: преимущественно это были данные о «польских провокациях» на немецкой границе, военных приготовлениях Второй Речи Посполитой явно необоронительного характера, «терроре» и концентрации частей Войска Польского в Данциге. Любопытно, что рядом с немецкими сообщениями соседствовали польские, в которых, в свою очередь, немцы также обвинялись в «многочисленных провокациях» (например, номер «Le Figaro» от 26 августа).

Тема пакта, которому 24–25 августа периодические издания уделили большое внимание, с 26-го начинает отходить на второй план. Центристские издания не только гораздо меньше, нежели коммунистические, интересовались пактом, но и старались, на наш взгляд, нивелировать значение тревожащего население соглашения, ту угрозу, которая за ним просматривалась. Например, 27 августа «Le Figaro» непосредственно соглашению посвятила всего одну статью — «По поводу пакта Гитлера–Сталина»:

Вот какой инцидент произошел во второй половине дня в Баньер-де-Бигор. За соседним столом с парижской актрисой Элен Пердриер завтракал парижский депутат-коммунист Жак Дюкло. Вскоре завязалась дискуссия, и они стали обмениваться едкими замечаниями. Пердриер крикнула собеседнику: «Хайль Гитлер! Хайль Сталин!», и тогда сопровождавшая Дюкло дама дала ей пощечину. Пришлось приложить немало усилий, чтобы прекратить эту потасовку.

Любопытно, что если на страницах коммунистических газет советско-германское соглашение получило название пакта о ненападении, то на страницах центристских и правых — пакта Гитлера–Сталина, пакта Молотова–Риббентропа, советско-нацистского пакта.

Одним из самых влиятельных и популярных периодических изданий Великобритании была основанная в 1785 г. газета «The Times»¹⁵. Это издание всегда носило консервативный характер и придерживалось умеренно-правых взглядов. Редактором «The Times» в 1939 г. был Джордж Джеффри Доусон —

¹⁵ Зарубежная печать: Краткий справочник. С. 52.

видная фигура в политической и общественной жизни Соединенного Королевства. Полпред СССР в Великобритании в 1932–1943 гг. И. М. Майский так охарактеризовал личность редактора «The Times»:

Джефри Доусон, человек крайне реакционный, религиозно настроенный, не имевший реального представления ни о Европе, ни, в частности, о Германии, преклонялся перед силой и, считая гитлеровскую Германию решающей мощью на континенте Европы, проповедовал самое беззастенчивое «умиротворение» нацистского диктатора. Влияние Доусона было настолько велико, что премьер-министры того времени — Макдональд, Болдуин, Чемберлен — обсуждали с редактором «Таймса» министерские назначения¹⁶.

Безусловно, такая позиция редактора накладывала определенный отпечаток на тон публиковавшихся на страницах «The Times» статей.

24 августа 1939 г. газета несколько своих материалов посвятила заключению советско-германского пакта. На ее страницах был опубликован текст соглашения, а также в очередной раз подтверждены гарантии британского правительства Польше. Издание указало, что советская пресса...

не делает никаких попыток объяснить внезапную готовность заключить соглашение со страной, которую последовательно клеймила как кровожадного агрессора. Официальная позиция [России] состоит в том, что Россия будет выполнять все свои обязательства и что она не обязана вмешиваться в любой европейский конфликт.

Опубликованный в наши дни дополнительный протокол в августе 1939 г. не был доступен широкой общественности, но на страницах западных периодических изданий время от времени появлялась информация об «обязательствах, которые не были обнародованы». Тогда же, 24 августа, «The Times» писала:

Предположение относительно готовности русских согласиться с Германией на раздел Польши кажется надуманным, но многие наблюдатели не исключают возможности переговоров, посвященных обсуждению немецких требований к Польше. Не исключается даже возможность совместного [советско-германского] ультиматума Польше.

В то же время на страницах издания весьма активно обсуждались причины, заставившие представителей стран, чьи отношения до августа 1939 г. сложно было назвать дружескими, пойти на переговоры. По мнению газеты,

¹⁶ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Ташкент, 1980. С. 286.

у немцев эта причина заключалась в том, что «немецкая армия, кажется, неохотно давала фюреру карт-бланш на завоевание, пока не будет получено гарантий хотя бы нейтралитета России» (номер от 24 августа), у советского правительства причина была иной: им руководили стремление к экспансии коммунистической идеологии и личные мотивы («Сталину, должно быть, приятно видеть автора антикоминтерновского пакта у себя на пороге» (там же)).

Реакция издающейся в Лондоне с 1930 г. самой крупной марксистской газеты Великобритании «Daily Worker» (в 1939 г. ее тираж составлял 80 000 экз.)¹⁷ была гораздо более оптимистичной. Подчеркнув силу и мощь Красной армии, в номере от 24 августа газета отметила, что заключение договора — это не только колоссальный успех советской дипломатии, но и весомый вклад Советов в укрепление мира в Европе.

25 августа «The Times» опубликовала ряд материалов, в которых анализировался как текст пакта, так и возможные последствия его заключения для европейских держав. На взгляд авторов издания, ключевым пунктом договора была 4-я статья, обязывающая Берлин и Москву не вступать во враждебные друг другу военные союзы. «The Times» подчеркнула, что это подразумевает отказ Советского Союза от «политики мира» в Европе и отказ Германии от поддержки Японии. Размышляя о возможном развитии событий, крупнейшее британское издание отмечало:

Сталин не возражает против нападения Германии на Польшу. Вполне вероятно, что Гитлер и Сталин достигли какого-то соглашения, в соответствии с которым не должны быть затронуты страны Балтии и немцы не будут продвигаться дальше определенной точки в Польше.

Что касается непосредственно раздела Второй Речи Посполитой, то, согласно данным «неофициальных источников в Берлине», к СССР должна была отойти территория Восточной Польши до «линии Вильсона» (вероятно, имелась в виду линия Керзона), к нацистской Германии — Данциг, «польский коридор» и Западная Силезия (Тешинскую Силезию следовало возвратить Моравии). На оставшейся польской территории предполагалось образовать лишнее право проводить независимую внутреннюю политику Королевство Польское (Congress Poland). (Попутно отметим, что источник «The Times» упомянул и об интересе Москвы к Бессарабии.)

Любопытно, что как французские, так и британские газеты, анализируя германо-польский конфликт, обращались к истории. Например, 30 августа

¹⁷ Willings Press Guide 1939. L., 1940. P. 212.

«The Times» напоминала, что раздел Польши в 1772 г. был крайне несправедливой акцией и что «Польша является очень древним государством, а германский Рейх создан вчера». Несмотря на явно пропольскую позицию газеты, она очень четко информировала читателей об официальной позиции Берлина, направленной на подготовку общественного мнения Германии к предстоящим событиям («польский коридор является последним камнем преткновения на пути к миру в Европе»), провоцируемым систематическим притеснением (вплоть до массовых убийств) немцев в Польше, отказом Варшавы от конструктивного диалога с Берлином, попыткой поляков втянуть в конфликт Париж и Лондон.

В первые дни после заключения пакта на страницах мировой печати активно обсуждался вопрос о причинах, побудивших Москву и Берлин на этот шаг. Одной из таких причин, по мнению некоторых современников тех событий, была схожесть политических систем нацистской Германии и Советского Союза. 31 августа 1939 г. на страницах «The Times» была опубликована статья видного политического деятеля Соединенного Королевства Фрэнка Ньюнса, в которой он представил сравнительный анализ нацистской и коммунистической систем. Автор нашел одиннадцать схожих моментов, которые, на его взгляд, обусловили сближение двух режимов: Сталин и Гитлер — диктаторы с неограниченными полномочиями; в Германии и СССР пресса полностью подконтрольна властям; в обеих странах активно работает подавляющая любое инакомыслие тайная полиция; в них созданы концентрационные лагеря, в которых оказываются все несогласные с политикой диктаторов; выборы являются «фикцией, на них выдвинутый правительством кандидат получает 97% голосов»; нацистская и коммунистическая партии насчитывают более 4 000 000 членов, а все остальные политические объединения запрещены и т. п. И далее: «...если коммунисты открыто подавляют церковь, то нацисты относятся враждебно к христианству и порой репрессируют негодных им деятелей церкви»; «немецкое отношение к евреям и отношение русских к аристократии очень похожи»; если Москва полностью национализировала частную собственность, то нацисты сделали это пока частично, но в ближайшем будущем могут пойти по стопам своего нового союзника.

Выходившие в сентябре 1939 г. на территории Югославии периодические издания тоже представляют для нас определенный интерес. На примере двух крупнейших газет — белградской «Политики» и загребской «Hrvatsko jedinstvo» — мы рассмотрим, как в балканской республике информировали читателей о пакте Молотова–Риббентропа и «Польском походе

РККА», как менялась позиция изданий в связи событиями в Польше и какой образ СССР, Польши и нацистской Германии формировался у югославских читателей.

Газета «Политика» была одним из наиболее влиятельных сербских периодических изданий. Основанная в 1904 г., она, за исключением коротких промежутков в годы Первой и Второй мировых войн, издавалась практически без перерывов. 25 августа на страницах «Политики» советско-германскому договору были посвящены сразу две полосы. На них был опубликован текст пакта, а также представлена реакция наиболее влиятельных европейских периодических изданий — как немецких и советских, так и английских, французских и польских. Кроме того, издание серьезно проанализировало ситуацию вокруг Данцига и, как в случае с пактом, остановилось и на немецкой, и на польской точках зрения на проблему. В дальнейшем издание стремилось так же объективно продемонстрировать читателям наиболее полную картину европейских событий. В то же время аналитических материалов на ее страницах практически не было. Стоит отметить, что в поле зрения белградского издания попадали новости, которые не находили отражения на страницах других крупных европейских периодических изданий, например о случившемся накануне по инициативе советского руководства разрыве отношений между СССР и правительством Чехословакии в изгнании (номер от 26 августа). В целом газета весьма сдержанно встретила заключение пакта, отметив, что он вывел Советский Союз из англо-французского «Фронта мира» и разрушил антикоминтерновский пакт (номер от 30 августа).

Издававшаяся в 1938–1945 гг. консервативная газета «Hrvatsko jedinstvo» больше внимания уделяла анализу пакта и его возможных последствий. В номере от 26 августа отмечалось, что Польша оказалась в крайне затруднительном положении, ведь до 23 августа ни о каком союзе между Москвой и Берлином и речи быть не могло и поляки, скорее всего, за свои восточные границы были спокойны. Теперь же недавние противники заключили соглашение, в «неопубликованном» приложении к которому они могли договориться о совместных действиях против Варшавы. В то же время пакт развязывал руки Москве в действиях против Японии на Дальнем Востоке.

Подводя итог краткому обзору европейской периодики за конец августа 1939 г., следует подчеркнуть, что для большинства современников заключение пакта Молотова–Риббентропа стало большой неожиданностью. На страницах крупнейших газет приводилось множество версий тех причин, которые заставили до этого явно враждебные друг другу режимы пойти на переговоры. Среди наиболее взвешенных версий можно отметить схожесть этих режимов, которым было легче договориться между собой, чем с Лондоном и Пари-

жем, захватнические устремления Берлина и Москвы, личные мотивы Гитлера и Сталина. Не менее важны данные о наличии «неопубликованных обязательств», известных нам как секретный протокол. Источником слухов о его существовании были преимущественно немцы, и некоторые данные, до 1 сентября опубликованные на страницах европейских газет, оказались верны. В то же время, на наш взгляд, многие читатели — современники тех событий — до конца не верили, что нацистская Германия решится на вторжение в Польшу.

Оценка военных действий в сентябре 1939 г. британской, французской и югославской прессой

В отличие от советских газет европейские издания много писали о боевых действиях в Европе. В каждом номере рассматриваемых нами изданий публиковались коммюнике сторон, высказывания политических и военных деятелей, аналитические материалы, фотографии с места событий и цитировались зарубежная, в том числе нацистская, пресса.

2 сентября 1939 г. главной темой «The Times» и «Le Figaro», а также 3 сентября «Journal des Débats Politiques et Littéraires» стало нападение Германии на Польшу и реакция на это событие Лондона и Парижа. Действия Германии всеми изданиями изначально классифицировались как агрессия, а территории, которые захватили нацисты, были названы оккупированными. Боевые действия описывались достаточно детально: крупнейшие ежедневные газеты Великобритании и Франции подчеркивали успешные действия истребительной авиации и ПВО Войска Польского, самоотверженность польских пограничников, мужество мирного польского населения.

4 и 5 сентября на страницах «The Times» было опубликовано много заметок о патриотическом подъеме в Польше, вылившемся в массовые демонстрации в Варшаве около посольства Великобритании под лозунгами «Да здравствует Польша!», «Да здравствует Англия и наша борьба за свободу!», «Да здравствует король Георг!». Что касается непосредственного описания боевых действий, то в первые дни войны тон статей и заметок в газете был достаточно оптимистичным: десятки сбитых нацистских самолетов и подбитых танков, успешные действия польской артиллерии и ПВО, существенные потери Вермахта.

«Daily Worker» гораздо меньше, нежели «The Times», интересовалась германо-польской войной, и на страницах крупнейшей английской марксистской газеты боевые действия между немцами и поляками освещались примерно в том же ключе, что и на страницах советских изданий.

В начале сентября «Le Figaro» сосредоточилась не на освещении боевых действий, а на реакции Лондона и Парижа на развязывание Берлином войны и ходе мобилизации в Великобритании и Франции. Любопытно, что если в рассматриваемых нами английских изданиях данные об инциденте в Глайвице, послужившем официальным поводом к нападению нацистской Германии на Польшу, опубликованы не были, то на страницах «Le Figaro» уже 2 сентября появилась заметка «Ложь о польской агрессии». В ней подчеркивалось, что провокация была организована самими немцами с целью «создать искусственный повод для нападения на Польшу».

В отличие от «Le Figaro», «Journal des Débats Politiques et Littéraires» предоставлял своим читателям гораздо более полную картину боевых действий на германо-польском фронте. Источником информации для французского издания служили коммюнике Генерального Штаба Войска Польского и комментарии видных политических и военных деятелей Третьей республики. Часть материалов регулярно посвящалась краткому обзору мировой печати, включая нацистскую. Начиная с 3 сентября на страницах «Journal des Débats Politiques et Littéraires» публиковались заметки о героической обороне Вестерплатте, о многочисленных жертвах среди населения подвергнутых бомбардировкам люфтваффе польских городов, о мужестве польских пограничников. В целом тон статей в «Le Figaro» и «Journal des Débats Politiques et Littéraires», как и в «The Times», в первые дни войны был достаточно оптимистичным.

Белградская «Политика» освещала разгорающийся европейский конфликт в том же ключе, что и в случае с пактом, — стараясь представить своим читателям позиции всех участников конфликта. На страницах издания публиковались немецкие и польские коммюнике, обзоры немецкой, английской, французской, польской и советской печати, а также карты, при этом позиция союзников находила более широкое отражение, нежели позиция нацистов. В поле зрения «Политики» попадали факты, которые было не найти на страницах рассматриваемых нами английских и французских изданий, например о начале комплектования в Польше чехословацкого соединения (номер от 5 сентября).

Начиная с 6 сентября тон статей в западноевропейских изданиях становится все более пессимистичным. «The Times» сообщила, что поляки понесли существенные потери в авиации и артиллерии и вынуждены оставить ряд важных населенных пунктов. В то же время газета отметила, что и немцы столкнулись с большими трудностями: они рассчитывали на поддержку немецкого меньшинства, вплоть до вооруженного выступления немцев в польском тылу, однако даже в Силезии, где нацисты вели активную пропа-

гандистскую работу, немецкоязычное население «смотрит на нацистов с беспокойством». Кроме того, издание обратило внимание читателей на то, что, несмотря на превосходство Вермахта в танках и авиации, поляки оказывают ему упорное сопротивление. В том же номере от 6 сентября отмечалось мужество защитников Вестерплатте. Через два дня, когда польские силы были вынуждены капитулировать, британская газета подчеркнула: «...защитники Вестерплатте стали достойным символом героической борьбы польского народа с оккупантами».

Отдельно стоит отметить расхождения в публикуемых на страницах «The Times» польских и немецких сообщениях. Например, 6 сентября нацисты заявили, что им удалось захватить Краков, поляки же эту информацию опровергли (номер от 7 сентября). Также стороны привели разные цифры по количеству сбитых самолетов и подбитых танков (номер от 8 сентября).

7 сентября «The Times» впервые публикует фотографии из районов военных действий (см. Приложение 1), а 11 сентября — первый детальный обзор самих боевых действий и делает попытку проанализировать причины неудач Войска Польского. Успехи Вермахта были обусловлены географическим фактором («нацисты имели возможность подготовить масштабное наступление на широком фронте», охватив с севера и запада большую часть Польши), военно-техническим превосходством, прежде всего в моторизованных соединениях и авиации, ошибками польского руководства при подготовке к войне и в первые дни вторжения противника на территорию страны, дезорганизацией руководства польских армий после немецкого прорыва. Вместе с тем газета отметила и мужество польских солдат и офицеров, и существенные потери нацистов. Относительно дальнейших перспектив британская газета возложила большие надежды на перегруппировку польских частей на востоке страны, особо подчеркнув, что немецкие моторизованные соединения не смогут так же эффективно действовать в этом регионе прежде всего из-за лесистого характера местности и наступления осени.

Авторы «The Times» не могли обойти молчанием тот факт, что нацисты столкнулись с упорным сопротивлением польских вооруженных сил и что местные жители, в том числе немецкое меньшинство, отнеслись к агрессорам «настороженно и даже враждебно» (номер от 14 сентября). В специальной справке газета указала, что судьба польского народа трагична: в самые тяжелые моменты его истории, когда Польша терпела поражения, а в XIX в. и вовсе исчезла с карты Европы, поляки продолжали с оружием в руках бороться за свободу и независимость. Подобный отпор ожидает и нацистов: «Хотя тысячи поляков могут погибнуть, борьба за свободу будет продолжена. В воен-

The Times. 07.09.1939. № 48404

ХАОС ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ФОТОГРАФИИ С ПОЛЬСКОГО ФРОНТА

- 1) В польскую деревню входят немецкие танки; 2) Разрушенная железнодорожная станция; 3) Горящие нефтехранилище и цистерны для бензина в Вестерплатте при входе в порт Данцига. Горстка поляков, как сообщается, храбро держится здесь под яростным огнем артиллерии с немецкого крейсера «Шлезвиг-Гольштейн»; 4) Обломки моста и шлюза на реке в «польском коридоре»; 5) Остов польской железнодорожной сигнальной будки, слева — немецкий солдат; 6) Руины еще одного частично разрушенного крупного польского моста

ной форме или гражданской одежде женщины и дети будут сражаться до конца, чтобы приблизить час освобождения» (номер от 16 сентября).

«Le Figaro» также надеялась на перегруппировку частей Войска Польского на востоке, считая, что в этом регионе польские кавалерийские части смогут действовать гораздо эффективнее (номер от 10 сентября). Кроме того, французское издание делало ставку на оборону Варшавы: «Именно из-под

столицы поляки могут начать масштабное контрнаступление» (номер от 13 сентября). Публиковались на страницах газеты и фотографии из Польши.

Подводя итог краткому обзору того, как на страницах европейских изданий освещались первые дни германо-польской войны, стоит отметить, что газеты достаточно полно информировали своих читателей о ходе боевых действий, анализируя причины поражения Войска Польского, при этом тон статей оставался оптимистичным — союзники, особенно в первую неделю войны, возлагали надежды на контрнаступление Войска Польского и сопротивление поляков в немецком тылу.

Выступление 17 сентября Красной армии для многих стало неожиданностью. В связи с заключением советско-германского пакта о возможном разделе Польши писали достаточно много и даже обозначали примерные границы раздела, однако после нападения нацистов на Вторую Речь Посполитую эта тема со страниц европейских газет практически исчезла. После начала «Освободительного похода» негласные договоренности между Москвой и Берлином вновь стали предметом обсуждения.

18 сентября центральной темой европейских газет был ввод на территорию Польши частей РККА. В немарксистских изданиях («The Times», «Le Figaro», «Journal des Débats Politiques et Littéraires») действия советского руководства классифицировались как агрессия, а занятые Красной армией польские территории признавались оккупированными. Тогда же на страницах «The Times» была опубликована речь Молотова, в которой видный деятель Советского государства объяснял причины решения руководства СССР вторгнуться на территорию сопредельного государства. Эту публикацию газета снабдила комментарием, из которого следовало, что подобные действия Страны Советов являются грубейшим нарушением международного права. В частности, Советский Союз нарушил пакт о ненападении с Польшей, заключенный 25 июля 1932 г. и впоследствии продленный до 31 декабря 1945 г. Кроме того, британская газета отметила, что мотивировка действий СССР несостоятельна, потому что 3 июля 1933 г. в Лондоне была подписана декларация об определении агрессии, под которой понималось «любое посягательство на территорию участников договора». Британское издание подчеркнуло сходство позиции советского руководства с позицией Гитлера, который также заявлял о необходимости защитить в Польше немецкое меньшинство.

В тот же день, 18 сентября, «Le Figaro» тоже оценила действия советского руководства как агрессию. Прибалтийские государства, прежде всего Литва и Латвия, опасались «наплыва польских беженцев», и в Каунасе высказывали опасения по поводу возможных действий Сталина против Литовской респу-

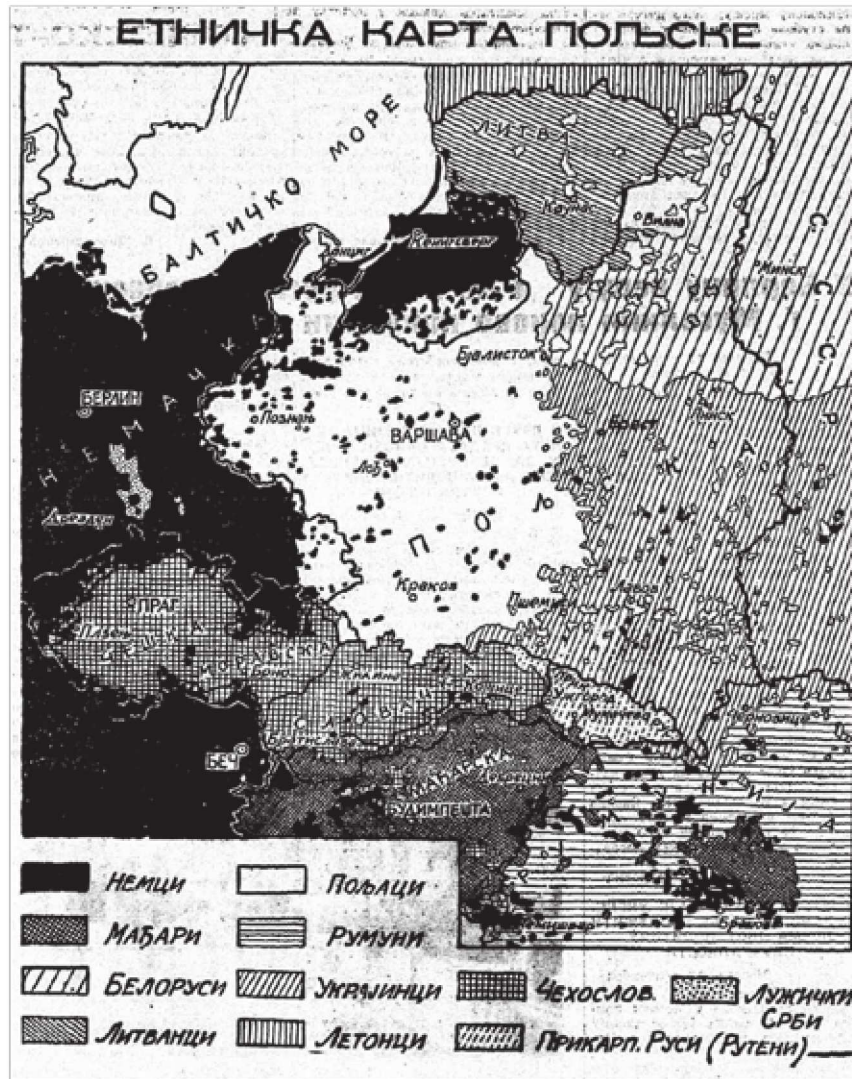
блики. (Стоит отметить, что к концу сентября на территорию Литвы были интернированы порядка 10 000 польских военнослужащих («The Times» от 29 сентября).) Ряд известных литовских политиков заявил, что их государство может стать следующей мишенью для Красной армии. Подобные опасения высказывались и в Бухаресте. В этом же номере газеты ставился вопрос о возможном объявлении Великобританией и Францией войны Советскому Союзу. «Le Figaro» подчеркивала, что это решение может полностью изменить ход войны, но принять его Лондон и Париж смогут лишь после длительных консультаций.

«Journal des Débats Politiques et Littéraires», как и «The Times», подчеркивал схожесть нацистской и советской позиций («защита национальных меньшинств»), обвинял советское руководство в агрессии и призывал исключить СССР из Лиги наций. Особое внимание издание уделило дате выступления: по его данным, она была обусловлена «неожиданной для русских скоростью продвижения немцев» и прекращением 16 сентября боевых действий между РККА и японскими войсками в Монголии (оба издания в номерах от 18 сентября).

В тот же день главной темой белградской «Политики» стала «вооруженная интервенция Советской России в Восточную Польшу». На первой полосе газеты была опубликована нота, в ночь с 16-е на 17 сентября врученная польскому послу в Москве, в которой особо подчеркивалось, что выступление советских частей произошло 17 сентября в 4 часа утра. Стоит отметить, что на одной странице «Политики» были размещены советские сообщения, в том числе речь Молотова по радио о причинах выступления Советского Союза, и сообщения из польских источников, в частности опровержение информации о бегстве из страны польского правительства. Там же были опубликованы данные о столкновениях частей Войска Польского и РККА в районе Молодечно и на других участках советско-польской границы. Кроме того, на одной из своих полос сербская газета разместила достаточно подробную этническую карту Польши (см. Приложение 2).

Марксистские издания безоговорочно поддержали действия советского руководства. «Daily Worker», в номере от 18 сентября ссылаясь на советские данные, заявил о «трусливом бегстве польского правительства», полном развале Войска Польского и искреннем желании Москвы защитить украинцев и белорусов, которые «систематически подвергались угнетению со стороны поляков».

На следующий день на страницах «The Times» активно обсуждалась возможная реакция правительства Великобритании на действия СССР: «Нет никаких оснований полагать, что британское правительство, хотя у него и вы-

Политика 18.09.1939. № 11242

зывают протест действия русских в Восточной Польше, пойдет на что-то большее, чем просто непризнание этого факта».

«The Times» и «Le Figaro» достаточно хорошо информировали своих читателей об официальной позиции Москвы, в то же время на их страницах шла оживленная дискуссия о реальных мотивах руководства Страны Советов и лично Сталина. Британское издание обращалось к истории восточных областей Второй Речи Посполитой, признавая, что политика Варшавы в данных областях «не всегда была разумна» и что многие жители этих территорий достаточно лояльны Москве, однако все это не давало права СССР грубо нарушить взятые на себя международные обязательства и вторгнуться на территорию суверенного Польского государства. Газета «Le Figaro» много писала об отношении к полякам Сталина. На страницах издания от 19 сентября опубликована большая статья о советско-польской войне 1919–1921 гг. В ней, в частности говорилось: «...Сталин, разбитый поляками в 1920 году, сейчас, должно быть, решил взять реванш». На следующий день французская газета указала на еще один фактор, заставивший Москву занять позицию нейтралитета:

Вторгаясь в Польшу, Кремль провозгласил [свой] нейтралитет. На первый взгляд это кажется странным. Одна из причин такой позиции — нежелание русских потерять привилегии, предоставляемые статусом нейтральной державы. Через Черное море им будет намного труднее торговать со средиземноморскими государствами, со странами Балтии и даже с Соединенными Штатами.

20 сентября «Journal des Débats Politiques et Littéraires» отметил, что согласие Берлина на действия Москвы отчасти обусловлено нежеланием нацистов в случае оккупации Вермахтом Западной Украины столкнуться там с сильным очагом сепаратизма. Относительно военных аспектов выступления Красной армии военный обозреватель «The Times» 19 сентября писал, что 17 сентября Польша проиграла войну и теперь у поляков практически не осталось шансов на победу. В то же время если бы Советский Союз продолжал соблюдать нейтралитет, то у Войска Польского был бы шанс по крайней мере сдержать немецкое наступление.

Еще одной темой европейских газет, активно обсуждаемой в первые дни «Освободительного похода», был вопрос о новой границе между нацистской Германией и СССР. Ими высказывались различные версии как о возможном создании между двумя державами буферного Польского государства, которое войдет в орбиту влияния Берлина, так и о полной ликвидации Польши. В последнем случае наиболее вероятная граница должна была пройти по линии Керзона, однако рассматривались и другие варианты, например о возвраще-

нии к границам 1914 г. («The Times» от 19 сентября). В современной историографии события 1939 г. иногда называют «четвертым разделом Польши». Использовали этот термин и современники (см. Приложение 3). Так, в заметке «Четвертый раздел Польши» крупнейшая газета Соединенного Королевства

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

The broken line marks the boundary agreed upon by the Soviet and German Governments. The shaded area shows the part of Poland to be left in Russian hands.

Раздел Польши

Пунктирной линией обозначена согласованная советским и немецким правительствами граница «раздела» Польши. Заштрихована та часть страны, которая отходила российской стороне.

The Times. 23.09.1939. № 48419

отмечала, что, согласно немецким сообщениям, Берлин намеривается отвести свои части на линию по рекам Писса–Нарев–Висла–Сан, но в этом случае «немцы будут вынуждены оставить добрую половину своих завоеваний. За советское участие им придется заплатить большую цену». Далее «The Times», ссылаясь на «хорошо информированные нейтральные источники в Берлине», отмечала, что Берлин может создать буферное Польское государство с населением 11 000 000 человек и атрибутами независимого государства, в том числе армией и дипломатическими представительствами за рубежом (номер от 23 сентября). В тот же день удивление относительно границы между вооруженными силами СССР и Германии высказала и «Le Figaro»: «Границы между немецкими и русскими войсками стали большим сюрпризом для политических кругов». Французская газета отметила, что если новая государственная граница пройдет по линии Керзона, это будет грандиозным успехом советской дипломатии. По данным «The Times» (номер от 25 сентября), демаркационная линия стала сюрпризом и для «некоторых кругов» в Берлине, которые полагали, что она должна пройти восточнее Вильно, Брест-Литовска и Львова. Те же самые «авторитетные круги в Берлине заявили, что эта линия не предназначена для окончательного определения государственной границы».

Мы видим, что после 17 сентября европейские газеты писали не столько о боевых действиях, сколько об отношениях Москвы и Берлина, дипломатических аспектах выступления РККА и мотивах принимаемых руководством СССР решений, однако обороне Варшавы рассматриваемые нами издания тоже уделили немалое внимание. Героическая оборона польской столицы, как и оборона Вестерплатте в первые дни нацистского вторжения в Польшу, стала для западных союзников символом стойкости и мужества польского народа. Какая же картина рисовалась взору европейских читателей? Подчеркивая тяжелейшие условия, в которых в Варшаве оказались части Войска Польского — недостаток боеприпасов и продовольствия, варварские бомбардировки люфтваффе, непрерывающийся артиллерийский обстрел города, — крупнейшие западные издания отмечали выдающуюся стойкость защитников города. Проводились ими и исторические параллели: 24 сентября «Le Figaro» напомнила читателям, что 25 лет назад, в 1914 г., наступление немцев удалось остановить именно под Варшавой. Днем позже издание особо отметило роль простых горожан при тушении в столице пожаров.

Еще 15 сентября «Journal des Débats Politiques et Littéraires» писал о существенных потерях, которые в битве за польскую столицу понес Вермахт: только 9 сентября нацисты потеряли 40 танков, несколько десятков машин были сильно повреждены.

Газета «The Times» 23 сентября отмечала, что оборона столицы Второй Речи Посполитой стала символом борьбы поляков с агрессором: варшавское радио регулярно сообщало польскому народу и миру о положении дел на фронте, опровергало нацистские сообщения о падении города, поддерживало боевой дух солдат и населения. Все рассмотренные нами газеты писали о существенных потерях среди жителей столицы — к 25 сентября эта цифра достигла нескольких тысяч человек, — а также о значительном разрушении города (например, «Le Figaro» от 26 сентября). Итог героической обороне Варшавы 29 сентября подвела британская «The Times»:

Вчера закончилась битва за Варшаву. Защитники сопротивлялись до конца: половина города лежит в руинах, боеприпасы почти закончились, людям грозит голод — дальнейшая оборона стала невозможной. Немцы варварскими методами осаждали город, они просто «забыли» про цивилизованные методы ведения войны... Но не стоит думать, что все потери жителей города были напрасны. Их служение своей стране, их вклад в общую борьбу намного превышают тот урон, который они нанесли противнику. Они доказали величие польского народа, они сделали все возможное, чтобы вернуться в семью свободных народов.

Что касается событий на востоке страны, то в том же номере «The Times» действия РККА оценивались заметно более сдержанно, чем действия Вермахта:

В оккупированных районах Белоруссии русские стремятся создать о себе максимально благоприятное впечатление — распространяют (хотя и не повсеместно) промышленные товары, дают щедрые обещания счастливой жизни при Советах.

Вместе с тем издание отметило частые случаи расстрелов польских офицеров и полицейских.

Отдельно стоит сказать о карикатурах, которые публиковались на страницах французских газет (см. Приложение 4). Они достаточно наглядно демонстрируют общее отношение современников к рассматриваемым событиям. Безусловно, политическая сатира начального этапа Второй мировой войны требует отдельного исследования, мы же попытались подобрать наиболее характерные карикатуры августа-сентября 1939 г. Кроме того, нам бы хотелось отметить весьма любопытное издание «Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика» (Иваново, 2007), которые может быть интересно всем исследователям российско-польских отношений.

SON "ESPACE VITAL"
ЕГО «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО»

— Я не хочу войны!
— Я тоже!
— А я еще меньше!..

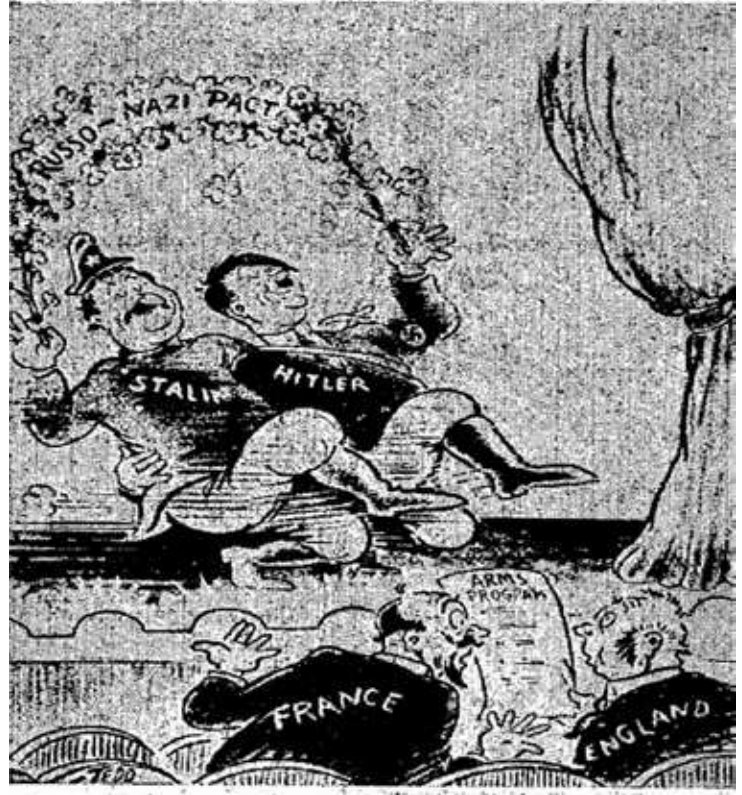

ПЕРЕД СТАРОЙ ГЕРМАНИЕЙ
Господа... Коминтерн!

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПИРШЕСТВО
Что он оставит нам в качестве жизненного пространства?

LE FIGARO. — JEUDI 28 SEPTEMBRE 1939.
LA SITUATION
vue par les neutres

« Mon Dieu !, mais ce n'est pas le programme. »
(N. Y. Journal.)

СИТУАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕЙТРАЛОВ
(нейтральных государств. — Примеч. авт.)

Боже мой! Это ж не программа!

Le Figaro. 28.09.1939. № 26

Подводя итог краткому обзору европейской печати за сентябрь 1939 г., следует отметить следующие моменты. В начале боевых действий французы и англичане возлагали большие надежды на Войско Польское, подчас преувеличивая возможности польских вооруженных сил. Этим и была вызвана достаточно оптимистичная оценка первых дней германо-польской войны. Уже через неделю после ее начала союзники оценили ситуацию гораздо трезвее — неспособность Войска Польского остановить части Вермахта становилась день ото дня яснее. При этом рассматриваемые нами издания все чаще писали о храбрости и стойкости польских солдат и офицеров. Символом мужества польских жолнежей (солдат) стали оборона Вестерплатте и одна из самых героических страниц польской истории XX столетия — битва за Варшаву.

На наш взгляд, Великобритания и Франция были морально готовы к вторжению нацистов в Польшу — чтобы убедиться в обоснованности этого мнения, достаточно обратиться к прессе последней предвоенной недели, — а вот выступление Красной армии стало для них неожиданностью, как и заключенный в Москве 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении.

Действия Советского Союза в британской и французской прессе получили однозначную оценку как агрессии, официальная мотивировка которой («освобождение украинцев и белорусов») была воспринята в том же ключе, что и заявления Гитлера о необходимости защитить немецкое меньшинство в Польше. Несмотря на отчетливо заявленную позицию, западные издания с опорой на свидетельства всех участников конфликта старались развернуть перед своими читателями максимально объективную картину происходящего.

Заключение

Многочисленные и разнообразные публикации на страницах британских и французских газет в конце августа 1939 г. свидетельствуют о том, что заключение советско-германского пакта о ненападении для многих современников стало неожиданностью. В периодических изданиях Великобритании и Франции высказывались различные версии тех мотивов, которые заставили непримиримых противников сесть за стол переговоров. Так, в ряде публикаций указывалось сходство режимов СССР и нацистской Германии, которым легче было договориться между собой, чем с Лондоном и Парижем, а также захватнические устремления Москвы и Берлина. Подобная позиция находила свое отражение на страницах центристских и правых газет. В то же время левые издания Великобритании и особенно Франции одобрили заключение советско-германского пакта. У некоторых осведомленных современников была информация о существовании дополнительного протокола к пакту. Ссы-

лаясь на источники в Берлине, все рассмотренные издания писали о возможном разграничении сфер влияния СССР и нацистской Германии в Польше, об интересах Москвы в Прибалтике и Бессарабии. Кроме того, в тоне их публикаций прослеживается постепенный переход от шока и удивления — через формирование у читателей позитивного образа Польши и поляков — к склонению общественного мнения в пользу возможных действий по их защите.

Югославские издания старались одинаково полно представить как точку зрения Парижа, Лондона и Варшавы, так и Берлина с Москвой, стремясь предоставить своим читателям наиболее полную картину происходящего в Европе.

В первую неделю нацистского вторжения в Польшу тон статей «Le Figaro», «Journal des Débats Politiques et Littéraires», «The Times» и «Daily Worker» был достаточно оптимистичным. В них особо подчеркивались личные качества солдат и офицеров Войска Польского — их храбрость, мужество, патриотизм. Символом достоинства поляков в глазах европейского читателя стала оборона Вестерплатте, а впоследствии мужество защитников Варшавы. В дальнейшем оценка ситуации стала более сдержанной, однако возможность капитуляции Польши до 17 сентября ни одним изданием не рассматривалась. Анализ публикаций позволяет сделать вывод, что если к вторжению немцев в Польшу французы и англичане были морально готовы, то вторжение РККА в восточные области Второй Речи Посполитой стало для общественности Соединенного Королевства и Третьей республики полной неожиданностью.

Названные европейские издания проводили параллели между немецким и советским официальными поводами для военного вторжения на территорию сопредельного государства. Ими указывалось, что Гитлер призвал защитить немецкое национальное меньшинство в Польше, а Молотов в свою очередь заявил о необходимости помочь проживающим в Польше белорусам и украинцам. В некоторых газетах совместные действия нацистской Германии и Советского Союза получили название «четвертого раздела Польши».

Во Второй мировой войне колоссальные потери понесли все стороны конфликта, однако Польше в ней была уготована особая роль: ей суждено было не только принять на себя первый удар нацистской Германии, но и через 16 дней подвергнуться нападению со стороны СССР. Сочетание неблагоприятных для Польши факторов — особенностей географического положения, захватнических устремлений соседей, сложной внутриполитической ситуации, ряда дипломатических ошибок, проблем с техническим оснащением вооруженных сил — привело к тому, что польский народ, как писал один из офицеров Войска Польского, оказался «между советским молотом и нацистской наковальней».

Меньше чем через два года после заключения пакта Молотова–Риббентропа Германия напала на нашу страну. Этой войне было суждено стать самой трагичной страницей ее истории, и только благодаря храбрости, мужеству и самоотверженности наших соотечественников нацистская Германия была разбита. Общая беда заставила поляков и русских, пусть на время, забыть старые обиды: в 1941 г. ими было подписано соглашение о совместных боевых действиях против гитлеровцев, и в 1942 г. на территории СССР началось комплектование польских частей, которые бок о бок с союзниками сражались на фронтах Второй мировой.

Отражение проблем Речи Посполитой эпохи Просвещения в трудах историков второй половины XX–начала XXI в.

Николай Демяновский

Николай Демяновский родился в Инте (Республика Коми). Студент 5-го курса исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории славянских и балканских стран). Сфера научных интересов: история Речи Посполитой второй половины XVIII в., развитие общественно-политической мысли в Польше. Участник конференции «Ломоносов — 2013» (МГУ, Москва), международного студенческого форума «Толерантность» (Пултуск, Польша). Колумнист печатного органа «Gazeta Petersburska». Научный руководитель — к. и. н., доц. Л. М. Аржакова. Эл. адрес: demyanovich@list.ru.

Уже не одно столетие история Польши привлекает внимание исследователей разных стран. Периодом, который до сих пор интересует историков, является «станиславовская эпоха»¹. Отметим, что работы, посвященные последним десятилетиям существования Речи Посполитой, стали появляться практически сразу после 1795 г. Сочинение Клода Карломана Рюльера «История анархии в Польше и разделения этой республики» вышло в свет в 1807 г.², правда, изложение в ней событий до третьего раздела Польши не доведено.

Как отмечается в предисловии к труду ученого, «его [Рюльера] повествование должно было растянуться до 1772 года или до договора в Камарди в 1774 году, но он умер, не добавив материалов в произведение, которые собрал, чтобы составить две или три последние книги своего сочинения»³. Интересно, что «благодаря... перу издателя... сочинение оканчивается указанием на события 1794 года, которых автор не мог знать, так как умер

¹ Только в последнее десятилетие появилось большое количество посвященных этому периоду работ. См., например: Zielińska Z. Polska w okowach «systemu północnego», 1763–1766. Kraków, 2012; Butterwick R. Polska rewolucja a Kościół katolicki. Kraków, 2012.

² Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette République. Vol. 1–4. Vol. 1. Paris, 1807.

³ Подробнее см.: Extrait de la discussion // Ibid. P. XLV.